

Бартабас поменял коней

КоммерсантЪ. — 2003. — 23 мая — с. 21.

Чеховский фестиваль театр

Сегодня вечером в Коломенском пройдет мировая премьера спектакля «Кони ветра» французского конного театра «Зингаро». Это самый крупный из проектов проходящего в Москве Чеховского фестиваля. Накануне премьеры основатель и руководитель театра «Зингаро», автор спектакля «Кони ветра» БАРТАБАС ответил на вопросы журналистов, в числе которых был РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

БАРТАБАС

— Как вы решились играть мировую премьеру вдали от дома, в Москве?

— Два года назад на театральной олимпиаде я показывал спектакль «Триптих». Мы тогда были очень тронуты хорошей организацией фестиваля и необычайно теплым приемом публики. Поэтому, когда Валерий Шадрин предложил сделать спектакль к следующему фестивалю в Москве, я согласился.

— В нынешнем спектакле участвуют тибетские монахи. Где вы их взяли и как долго они пробудут с вами?

— Как вы знаете, Тибет оккупирован Китаем. И эти монахи живут в монастыре на границе Индии с Китаем. Когда я понял, что хочу, чтобы они работали с нами, я сам поехал в этот монастырь, добирался туда четыре дня. Мы встретились с настоятелем, и я стал объяснять ему про театр и про свой замысел. Он все выслушал, но ни о театре, ни о теологии мы больше не разговаривали. Он мне показывал монастырское хозяйство, коров и солнечную электростанцию. Потом я отправился спать, а утром настоятель сказал: вам можно доверять. И согласился отпустить монахов. Теперь они будут жить вместе с нами все три года, что будет играть спектакль. «Кони ветра» идут под их живое пение. Но нам интересно не просто показывать спектакль, а сосуществовать.

— Но как служители культа согласились участвовать в представлении? Вы вообще не видите опасности в том, что религиозные атрибуты становятся частью игры и зрелища?

— Определенная опасность, наверное, есть. Но ведь тибетские монахи иногда сами устраивают представления вроде мистерий

за стенами монастыря, для людей. Вообще, у них понятия греха, чистого и нечистого очень отличаются от наших.

— А почему вас вдруг потянуло на Тибет? Как вообще возникают замыслы спектаклей?

— Я работаю в мозаичной манере. Постепенно рождаются какие-то фрагменты, эпизоды, потом я их собираю вместе. Работаю только по интуиции. Путешествую очень мало, даже когда ставлю спектакли, навешанные чужими культурами. Больше люблю слушать рассказы людей о других странах. Но потом все это стараюсь забыть и просто работать с лошадьми. Вообще, лошади научили меня доверять собственной интуиции. Научили умению слушать и слышать других.

— В вашем предыдущем спектакле люди без лошадей были слабы и некрасивы, зато наездники — величественны и таинственны. Вы считаете, что лошадь дает седоку преимущество, самоощущение сверхчеловека?

— В том смысле, в каком это слово использовали философы, нет. Мы не обладаем лошадьми, не покоряем их. Мы просто живем на равных, живем рядом. Сила человека не имеет никакого значения во взаимоотношениях с лошадьми. Я вообще уверен, что нахождение рядом с лошадью делает человека лучше.

— В новом спектакле участвуют те же животные, что два года назад уже выступали в Москве?

— Нет, все лошади новые, их двадцать пять. А вот многие танцовщики перешли из того спектакля в новый.

— А куда вы определяете старых лошадей?

— Они находятся в Версале, в Академии конного творчества, кото-

рая расположена в бывших королевских конюшнях и которой я руковожу. Мы воспитываем синтетических актеров, они занимаются танцем, фехтованием, живописью. Учатся у нас почти исключительно наездники, и это своего рода революция, потому что конное искусство всегда было военным, мужским.

— Как вы выбираете лошадей?

— Это происходит почти случайно. Я не выбираю их под конкретную задачу. Напротив, выбрав лошадь, я уже потом начинаю думать, что бы она могла сделать, какой наездник мог бы с ней работать. Точно так же происходит и с людьми: сначала я решаю, с кем могу работать, а уже потом — что именно этот человек мог бы делать в спектакле. Поэтому я никогда не смогу работать с текстами, пьесами. Я не выстраиваю роли и сюжеты, я просто собираю материал, а потом размышляю, как его можно организовать и что получится. Я уверен, что самое главное в нашем деле — умение дарить, отдавать себя. Оно встречается гораздо реже, чем техника и профессионализм, которым можно со временем обучить. Лошадь — это зеркало, в котором можно увидеть все, что вложил в нее человек. Мы ведь не просто показываем зрителям животных — их можно увидеть на конюшнях, на фермах, еще где-то. Мы показываем через лошадей еще и взаимоотношения людей.

— Вы часто обращаетесь к восточным культурам, говорите о близости к природе. Как вы относитесь к процессам глобализации и считаете ли себя антиглобалистом?

— Для меня естественно считать себя таковым. Я не занимаюсь политикой, но мне не нравится, что мир становится везде одинаковым и ценность личности в нем теряется. Но если я обращаюсь к Тибету или Индии, то это не значит, что я просто ради оригинальности ищу какую-то экзотику. Меня действительно трогают тибетская культура и тибетская музыка. В них есть подлинность, которая способна покорить и француза, и русского, и американца. Универсальность мира как раз и заключается в возможности такого искреннего чувства, а не в том, что называют глобализацией.